

Виктор Вургафтик

Об употреблении усилия

Июль – октябрь

1978

Я. С. Друскин различает свободный выбор и абсолютную свободу. Свободный выбор всегда совершается между принятием и отвержением чего-либо. Но, во-первых, его свобода стеснена, так как я не могу выбрать отвержение самого выбора: выбирая отвержение выбора, я уже выбираю, значит, уже выбрал принятие выбора; я необходимо выбираю выбор, т.е. свою свободу вне Царства Божьего – себя самого. Во-вторых, и в пределах выбора нет свободы: выбор – это перевешивание одними мотивами других, следовательно, определяется тем, какая из двух сумм мотивов для меня весомее, в случае же их равновесия невозможен; я делаю выбор не просто так, а потому-то и потому-то. Таким образом, в свободном выборе я не свободный, а раб.

О пребывающих в любви нельзя сказать «несколько», потому что число, отличное от единицы, обозначает обособленные друг от друга предметы, следовательно, такие, между которыми нет любви. Но о любящих друг друга нельзя сказать и «один» – если есть только один, любовь невозможна. Пребывающие в любви не представляют собою ни нескольких, ни одного. Так, Троица – не один Бог, но и не три, вообще не несколько, Богов.

Я не имею абсолютной свободы по той причине, что меня ограничивает воля Бога. Но, если я люблю Бога, «потому что Он прежде возлюбил» меня, то мы – не двое, и, значит, между нами нет границы. Это не означает, что я растворился в Боге и мы суть Он один, ведь есть наша Любовь. Таким образом, соединённый с Богом актом Любви, я существую и ничем не ограничен – абсолютно свободен. Если я и взыскал Бога по каким-то мотивам, в акте Любви их как мотивов уже нет – всё стало Любовью. Отсутствие границы между мною и Богом – это и моя абсолютная свобода, и моя причастность к Царству Божию. Так что я абсолютно свободен только в Его Царстве.

Могу ли я принять абсолютную свободу? Если «могу» означает здесь не мощь, могущество, власть, но «могу принять, а могу отвергнуть», то это то же, что свобода выбора: «свободен выбрать», или «могу выбрать». В этом случае вопрос имеет следующий смысл: могу ли я выбрать принятие абсолютной свободы? Но выбрать значит принять выбор, следовательно – принять рабство. Поэтому я должен ответить: нет, не могу, я не могу принять рабство и этим принять абсолютную свободу.

Итак, если понимать «могу» как две возможности, т.е. в дихотомическом смысле, то я не могу стать абсолютно свободным, но тогда – и свободным вообще, так как нет иной свободы, кроме абсолютной. Иначе говоря, если я не имею свободы, меня отделяет от неё непреступная стена. Именно в этом

смысле употребляет слово «могу» Я. С. Друскин. Но в таком случае встаёт ряд вопросов, например: каким же образом я, находясь за неприступной стеной, отвечаю за то, что не выхожу на свободу? что означают просьбы, призывы, увещания её принять? как я всё же её восхищаю? как понимать слова «Царство Небесное силою берётся, и употребляющие усилие восхищают его»? На такие вопросы я не отвечаю до тех пор, пока останусь в плоскости дихотомического «могу» и эквивалентных ему понятий.

Но, как уже упоминалось, есть другое понятие «могу», означающее мощь, могущество, власть. Оно не имеет дихотомического смысла и не эквивалентно свободе выбора. Именно его использует апостол Иоанн, когда говорит: «дал власть быть чадами Божиими». Однако, хотя слово «могу» и употребляется преимущественно в этом смысле, лучше, из-за его двусмысленности, воспользоваться другим словом. Я нахожу его в благовестии Христа «от дней же Иоанна Крестителя донныне Царство Небесное силою берётся, и употребляющие усилие восхищают его», «с сего времени Царствие Божие благовествуется, и всякий усилием входит в него». Вхождение в Царство Христос описывает не в понятиях свободы выбора и не в понятиях абсолютной свободы – первые для этого непригодны, вторые относятся уже к пребыванию в Царстве Божием, – а в понятиях силы, усилия. Но заботы «не о том, что` Божие, но что` человеческое» – тоже усилие, только направленное не к Царству, а к миру: «Итак, не заботьтесь и не говорите: «что` нам есть?» или: «что` пить?» или: «во что` одеться?» Потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всём этом. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это всё приложится вам». В зависимости от того, в какую сторону направлено усилие, оно вводит или в Царство с его абсолютной свободой, или в мир с его свободой выбора.

«Усилие» обозначает лишь некий акт, т.е. во всех случаях лишено дихотомического смысла, – этому условию не удовлетворяет полностью не только слово «могу», но даже слово «власть», допускающее понимание в смысле «имею власть принять и власть отвергнуть». На вопрос, как я вхожу в Царство Божие, понятие свободы выбора, т.е. дихотомическое «могу», отвечает: «никак», а понятие абсолютной свободы говорит: «актом абсолютной свободы»; но этот второй ответ означает, что я становлюсь абсолютно свободным, лишь становясь абсолютно свободным. Если основываться на этих двух понятиях, вхождение в Царство совершенно непонятно. Христос и описывает его не через понятие свободы, а через понятие усилия, являющееся, таким образом, более фундаментальным, но тогда и само усилие в этой моей жизни более фундаментально, чем свобода. Направленное к миру, оно есть свободный выбор, направленное же к Царству – акт абсолютной свободы, т.е. тот и другой акт – одно, существующее двумя способами.

Но усилие было бы для меня лишь общим их названием, если бы не было ещё третьего акта, который совершается мною как свободный выбор, но оказывается актом абсолютной свободы. Этот третий акт, третье усилие не имеет определённого направления и не вводит определённо ни в Царство, ни

в мир. Его можно назвать отчаянием. Будучи для меня каким-либо отчаянным выбором, в частности, выбором смерти, это отчаяние оборачивается отчаянным воплем к Богу, восхищающим Царство Небесное. Я говорю не о превращении свободного выбора в абсолютную свободу, которые только одинаково названы – отчаянием, но именно об одном и том же отчаянии, тождественном в его начале выбору, а в конце – свободе. У Я. С. Друскина тоже не два акта, а три – невидение, видение невидения и видение видения. Акт невидения есть свободный выбор, видение видения есть акт абсолютной свободы; видение же невидения я отождествляю с особым актом отчаяния – представляющим собою совмещение полной веры в Царство Божие с полным неверием в то, что оно может отвориться мне. К этому акту можно отнести слова Я. С. Друскина: «вера, которая не верит». Его начало и есть свободный выбор, а конец – абсолютная свобода, хотя начало – то же отчаяние, что и конец.

Каким же образом отчаяние, о котором я говорю, во-первых, тождественно выбору и, во-вторых, свободе? Всякое действительное отчаяние – то же, что гибель «я», а она есть его расщепление. Но его не расщепляет ни пассивное ожидание смерти, ни самая безнадежная борьба за жизнь. Его расщепляет лишь выбор двух несовместных вещей, так как, принимая их, «я» оказывается несовместным с самим собою; по существу, его расщепление и есть этот выбор. Вот почему отчаяние тождественно выбору – тому, в котором выбираются два несовместных предмета. Таков, например, выбор отвержения себя самого, ибо, как уже говорилось, в любом выборе «я» выбирает принятие себя самого: в конечном счёте ему нужна здесь не выбираемая вещь, а только свобода выбора, свобода же эта эквивалентна «я». Выбором отвержения себя самого является, в частности, выбор самоубийства – я именно говорю «выбор», а не «реализация».

Ограничиваясь теперь тем отчаянием, к которому я отношу выражения «видение невидения» и «вера, которая не верит», т.е. совмещением полной веры в Царство Божие с полным неверием в то, что оно может отвориться мне, я вижу, что в этом акте я невеста, не успевшая на брачный пир и оседающая наглухо запертую дверь в ужасной тьме внешней; ясно, что её отчаяние, «плач и скрежет зубов», выливается в отчаянный стук к жениху. Но ведь отчаянный стук к тому, без кого жизнь невозможна, есть воплощение акта любви, в данном случае – моей Любви к Богу, нашей с Ним Любви, т.е. моей абсолютной свободы. Так отчаяние, названное верой, которая не верит, тождественно свободе: «стучите, и отворят вам». «Ибо так говорит Высокий и Превознесенный, вечно Живущий, – Святой имя Его: Я живу на высоте небес и во святилище, и также с сокрушенными и смиренными духом, чтоб оживлять дух смиренных и оживлять сердца сокрушенных».

Но выбор, тождественный отчаянию, не отличается по своей сути от любого другого выбора. И свобода, тождественная этому же отчаянию, не отличается по своей сути от любого другого акта свободы. Поэтому и можно сказать, что свободный выбор и абсолютная свобода по природе своей – одно и то же, оно было названо усилием: направленное к миру, усилие есть выбор,

а направленное к Царству – свобода. Если же оно в начале своём направлено к миру, а в конце – к Царству, то представляет собою отчаяние особого рода – видение невидения, оно же – вера, которая не верит. Говоря о начале и конце усилия, я везде имею в виду не то, что оно длится относительно какого-либо цикла – оборота стрелки часов, процесса, называемого сутками, и т.п., – но что оно занимает всё действительное время, т.е. время, начало которого – мир, конец – Царство и которое неделимо: квант; подробнее о нём – в рассуждении «Время».

Так как понятие усилия более фундаментально, чем понятия свободного выбора и абсолютной свободы, лучше их не применять и говорить только об усилении. Впрочем, можно пользоваться и ими, если не имеется в виду их внутренняя связь. Понятие усилия позволяет ответить на вопросы, для дихотомического «могу» неразрешимые. Как понимать ответственность за то, что не совершается выход на свободу? Нет усилия, направленного к Царству Божию. Что конкретно имеют в виду увещания принять её? Употребление этого усилия. Но вот выход на свободу совершился; каким образом? Силою, усилием.

Усилие, направленное к миру, есть акт силы воли, которая более или менее применяется в каждом свободном выборе. Усилие, направленное к Царству, – тоже сила, но не воли, а отсутствия её: «сила Моя совершается в немощи»; оно есть усилие акта Любви. Итак, усилие определённого направления следует представлять себе как усилие воли или усилие Любви: несмотря на их направленность у них одна природа.

Вот передо мною Божие дело, которое я могу – в дихотомическом смысле – совершить. Но так как я могу его совершить, то нахожусь в состоянии мира сего, короче – в мире сем, и что бы я ни сделал, принадлежит ему, т.е. является делом мирским, а не Божиим. Поэтому Я. С. Друскин говорит: если я могу совершить дело Божие, то получится у меня мирское, так что лучше мне не делать его; дело Божие совершается не тогда, когда я могу его совершить, т.е. не в свободе выбора – оно совершается в абсолютной свободе. В этом ходе мысли, очевидно, предполагается, что дело, которое я могу совершить, я совершаю этим самым «могу»; но, если я, несмотря на «могу», совершаю его усилием, направленным к Царству, – усилием Любви, – то перехожу из состояния «могу» в акт абсолютной свободы – из мира сего в Царство Божие. Это усилие соединяет состояние свободы выбора с актом абсолютной свободы, т.е. содержит в себе и ту, и другую; оно есть прорыв свободы выбора. Вместо того, чтобы констатировать факт моего нахождения в мире, я тогда выхожу из него в Царство и этим же актом совершаю дело Божие, которое имею перед собою; оно и совершается в абсолютной свободе, ведь акт, о котором я говорю, т.е. усилие любви, и абсолютная свобода – одно и то же.

То, к чему направлено усилие, употребляемое не мною, а нами, должно для нас существовать как нечто телесное: если, например, оно будет нравственной идеей, не выраженной ни словом, ни поступком, ни каким-либо иным образом, или будет чистым духом, каждый из нас сможет употреблять направленное к нему усилие лишь отдельно от других, т.е. вместо одного,

нашего, усилия будет несколько индивидуальных – тех, о которых шла речь до сих пор. Наше усилие, направленное к миру, – это совместное создание или добыча чего-либо «от мира сего», которое может быть телесным или воплощённым в телесном психологическим или идеальным. В этом усилии, т.е. свободном выборе, силе воли, мы представляем собою социум – общество. Наше усилие, направленное к Царству, – это совместное обретение его Царя, Христа, в этом усилии Любви, акте абсолютной свободы мы представляем собою Церковь.

Но для единства нашего усилия недостаточно, чтобы то, к чему оно направлено, было воплощено в телесном. Даже при этом условии каждый может употреблять усилие независимо от других, не распространяя на них своего внимания, сосредоточенного только на усилии. Нужно ещё, чтобы в том, к чему оно направлено, у каждого была своя часть. В случае общества это может быть названо разделением труда. В случае же Церкви это Евхаристия, разделение Тела и Крови Христовых. В Евхаристии моё усилие Любви направлено на хлеб и вино; но ведь усилие это не отличается от акта абсолютной свободы, т.е. акта моей Любви к Богу, Любовь же эта и Божия Любовь ко мне – не две любви, а одна и та же. Так что усилие Любви, направленное на хлеб и вино, есть Любовь Божия, она и пресуществляет их в Его Дары – Тело и Кровь Христовы. И когда Святые Дары разделяются между нами, моё внимание, сосредоточенное на них, тем самым обращается на других участников Евхаристии: в Христе я обретаю и преображённых Им моих ближних.

Однако и это не делает ещё наше усилие единым. Видя в Святых Дарах Христа, я вижу, как Он отдаёт Своё Тело на разделение и изливает Свою Кровь, слышу Его слова: «примите, ядите, сие есть Тело Мое, за вас ломимое», «пейте из нее /чаши/ все; ибо сие есть Кровь Моя нового завета, за многих изливаемая во оставление грехов». В разделении между нами Его Тела и Крови воплощается Его Любовь к нам, и вместе – наша Любовь к Нему, потому что мы принимаем их и вкушаем и этим освобождаемся от границы между собою и Им. Но если Евхаристия есть воплощение Любви, то её можно считать самой Любовью – той, которою мы любим Бога, «потому что Он прежде возлюбил нас», единой Любовью между нами и Богом. В Евхаристии Любовь каждого мне видима: я вижу её как принятие и вкушение им от Св. Даров. И я вижу, что он сейчас любит Того же, Кого люблю я, – вот Этого, отдающего нам сейчас Своё Тело в пищу и Свою Кровь в питье. И так видит каждый. Тогда мы и употребляем не несколько усилий Любви – по числу участников этой Евхаристии, а одно.

Я говорил о моём усилии Любви, что оно прорывает состояние свободы выбора – соединяет его с актом абсолютной свободы. Подобно этому, о нашем усилии Любви можно сказать, что оно разрывает наши общественные отношения – соединяет их с живыми отношениями церковными, в которые нас друг к другу ставит. Для того, чтобы приступить к Евхаристии, мы должны собраться в определённом месте и в определённый час, а для этого должны быть связаны некоторым соглашением. Но такое собрание друг с другом есть

усилие общественное, и, собравшись, мы представляем собою общество. Это исходный пункт Евхаристии, т.е. нашего усилия Любви, которое уже претворяет нас из общества в церковь.